

Российское общество и фондовая биржа во второй половине XIX — начале XX в.**

Век акций, рент и облигаций...

А. Блок, Возмездие

Первая официальная биржа в России была учреждена Петром I в Петербурге почти одновременно с основанием новой столицы. Такие же биржи он предполагал организовать и в других крупных купеческих городах страны, но в течение почти всего XVIII столетия Петербургская биржа оставалась единственной в России. Второй российской биржей стала биржа в Архангельске, учрежденная в 1789 г. Не ранее 1796 г. появляется третья биржа — в Одессе, и не ранее 1816 г. — четвертая — в Варшаве. Пятой по счету была биржа в Москве, получившая в 1837 г. «Правила для биржевого комитета». В 1842 г. учреждается Рыбинская и в 1848 г. — Нижегородская ярмарочная биржа. Если в 1850-х гг. не открылось ни одной биржи, то в 1860-х гг., с которых и начинается широкое распространение бирж в России, открывается сразу 8: Иркутская, Киевская, Тульская, Казанская, Рижская, Ростовская-на-Дону, Харьковская и Самарская биржи. В 1870-х гг. открылось 5 бирж: Астраханская, Саратовская, Ревельская, Перновская и Орловская. В 1880—1890-е гг. в России появилось еще 11 бирж: Либавская, Нижегородская (постоянная), Бакинская, Елецкая, Таганрогская, Калашниковская хлебная в Петербурге, Московская хлебная, Воронежская хлебная, Лодзинская, Елизаветградская хлебная, Царицынская. С 1900 по 1914 г. количество бирж увеличилось еще на 74.

До середины XIX столетия все российские биржи оставались исключительно товарными. На них совершались в основном сделки по покупке и продаже товаров, страхованию судов, и реже, в связи с товарными операциями, заключались сделки с векселями и иностранной валютой. Биржевые собрания посещали лица, принадлежавшие к купеческому сословию. Особо следует отметить, что значительную часть участников торгов составляли лица иностранного происхождения. Устройство биржи в России XVIII — первой половины XIX в.

* Лизунов Павел Владимирович — доктор исторических наук (Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск).

** Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 05-01-01140.

можно определить как замкнутую купеческую корпорацию или институт маклеров.

Лишь со второй половины XIX в. сначала на Петербургской бирже, а затем и на других биржах страны стали происходить значительные изменения. Кроме возрастания оборотов с товарами, увеличения количества и объемов сделок фрахтовых, вексельных и валютных, новым явлением стали сделки с государственными и частными ценными бумагами. Появилась возможность для более выгодного помещения денег помимо казенных банков. Этот процесс был неминуем из-за постепенно усиливающегося спроса на капиталы для многочисленных новых промышленных, торговых и железнодорожных предприятий. Биржа, а точнее фондовый рынок, постепенно становится объектом внимания со стороны части российского общества. Интерес этот то усиливался, то ослабевал в зависимости от ситуации на рынке ценных бумаг и состояния экономики в целом. Менялось и отношение общества к бирже: от безразличия к осторожному любопытству, от предубеждения к робкому участию, от восторженного поклонения до ненависти. Можно выделить несколько периодов постепенного приобщения широкой «публики»¹ к операциям с ценными бумагами и биржевой спекуляции.

Биржа и общество в конце 50-х гг. XIX в.

Впервые русское общество обратило внимание на биржу во второй половине 1850-х гг., после окончания Крымской войны. Вследствие усиленного выпуска новых кредитных билетов и понижения банковских процентов в обращении оказалось изобилие свободных денег. Понижение банковского процента повысило ценность почти всех биржевых бумаг, чем объясняется, например, громадный успех подписки на акции Главного общества российских железных дорог в Петербурге². Известный русский экономист В.П.Безобразов писал: «Все денежные обороты совершались чрезвычайно легко и быстро; только что затраченные капиталы возвращались с огромными барышами. ...Так было преимущественно в 1855 и 1856 гг. ...в промышленность и спекуляцию бросились люди, которые до войны были совершенно им чужды... никогда не занимавшиеся ни торговлею, ни промышленностью»³.

Акционерное оживление и биржевая горячка достигли наивысшего развития в 1857 и 1858 гг. Подписка на акции некоторых предприятий, как отмечал Н.Х.Бунге, «представляла картину, о которой у нас имели понятия лишь по рассказам европейских журналов 1853—54 годов, — картину крайнего увлечения и ажиотажа»⁴. Еще накануне, в середине 1855 г., «Отечественные записки» в экономическом обзоре утверждали: «...циркуляция акций у нас вовсе не похожа на заграничную. ...у нас, напротив, на акции смотрят, по большей части... как на билет частного банка, дающий хорошее число ежегодных процентов. Название ажиотера, человека, употребляющего всевозможные хитрости, чтоб поднять или опустить цену акций, у нас существует только в лексиконах. Тихий, спокойный характер, которым отличается у нас

торговля акциями, имеет характер игры коммерческой, а не азартной...»⁵ Но все изменилось через какие-то два-три года, и перипетии, произошедшие вскоре в России, вполне напоминали «картину» биржевой спекуляции в ряде европейских странах.

«Вестник промышленности» констатировал: «Русское общество... начинает выходить из коснелого состояния равнодушия, деятельность промышленная и компанейская увлекает его. ...все классы под влиянием этого увлечения: в обществе, в театре, в собраниях люди говорят только о коммерческих оборотах, биржах, спекуляциях, ценах различных акций...»⁶ Представление о произошедших переменах дают финансовые обзоры российских экономических журналов. Например, «Вестник промышленности» писал: «Не успеет составиться новая акционерная компания, смотришь, все ее акции разобраны нарасхват до дня официальной продажи, и тотчас же начинают ходить из рук в руки с надбавкой. В Петербурге рассказывали, как желающие получить акции образовавшегося в Москве “Страхового от огня общества” собрались еще с вечера — накануне дня раздачи — у дверей конторы, прождали целую ночь, и при открытии дверей только весьма немногие получили желанные бумаги»⁷. Народу собралось так много, что «началась теснота, давка, были и такие, которым сделалось дурно, другие принуждены были вылезать в окно, потому что назад протесниться было невозможно»⁸.

На Петербургской бирже в конце 1857 г. вспыхнула настоящая спекулятивная игра с бумагами новых акционерных компаний. Акции большинства обществ легко покупались и продавались на бирже. Порой они заменяли наличные деньги⁹. Появились свои «бумаги-фаворитки». Наибольшим спросом пользовались акции таких компаний, как «Золотое руно», «Сельский хозяин», «Кавказ и Меркурий», и некоторые другие. Особое предпочтение отдавалось акциям Главного общества российских железных дорог. Журнал «Русский экономист» писал: «Министры и другие сановники, чиновники всех рангов бросились играть на бирже, помещики стали продавать имения, домовладельцы — дома, купцы побросали торговлю, многие заводчики и фабриканты преобразовали свои учреждения в акционерные компании, вкладчики в правительственных банках начали выбирать оттуда свои вклады, — и все это бросилось в азартную игру на бирже, преимущественно, разумеется, на ажиотаж с этими последними, впервые гарантированными нашим правительством акциями. Разгулу на бирже не было удержа»¹⁰. Всеобщее ослепление было так велико, что большинство русских экономистов, в том числе Н.Х. Бунге, поверили в долговечность наступившего экономического подъема¹¹.

Вскоре, однако, экономическая ситуация в стране изменилась. Уже в конце 1858 г. произошла резкая перемена конъюнктуры в промышленности и торговле. Начавшийся спад еще более обострился под влиянием развившегося мирового экономического кризиса. Вместо увлечения акционерным учредительством и биржевой игрой с середины 1859 г. наступило полное к ним охлаждение. Оживление в российской экономике сменилось застоєм, подъем — падением. Резко вырос спрос на наличные деньги. В финансовых изданиях от-

мечалось, что «*нужда в деньгах* (выделено в источнике. — П.Л.) лежит тяжелым гнетом на всех торговых сделках» и «затрудняет все коммерческие обороты»¹².

Началось обвальное падение цен на фондовом рынке. Акции многих обществ перестали продаваться и покупаться на бирже. Пошатнулось положение Главного общества российских железных дорог: Акции этого «высокоименитого» предприятия упали ниже пари, а облигации — со 100 до 96 руб. Их биржевая цена уменьшилась на 45%. Около 100 тыс. акций были заложены в Государственном Коммерческом банке и не выкуплены их владельцами¹³. В 1860 г. прогорело общество Ловатского Старорусского железного завода. Разорилось общество «Сирена», одним из владельцев которого при жизни был покойный к тому времени министр финансов граф Ф.П.Вронченко. Обозреватель «Вестника промышленности» писал: «Петербургские капиталисты обменяли все свои миллионы кредитных билетов на сотни и тысячи других бумаг более крупных форматов, более красивых, подающих такие заманчивые и блестящие надежды; обменяли деньги и продолжают обменивать их на акции... В Петербурге у богачей нет больше денег, у них есть акции; деньги остались только у бедняков»¹⁴.

При внесении в Комитет финансов сметы расходов Государственного казначейства на 1860 г. министр финансов А.М.Княжевич констатировал, что экономическое положение России «явно обнаруживает все признаки денежного и коммерческого кризиса»¹⁵. Через год, во всеподданнейшем докладе о состоянии государственных финансов в 1860 г., Княжевич снова повторил, что страна переживает глубочайший экономический кризис¹⁶. Резко поменялось отношение общества к бирже, в которой многие видели причину своих потерь и понесенных убытков. Это время можно охарактеризовать как первое знакомство российского общества, или, точнее, некоторой его части, в основном петербургской, с биржевой игрой. Численность ее участников была еще невелика и не превышала нескольких сотен человек. Новое увлечение биржей и ценными бумагами в России уже в более широких масштабах произойдет через 10 лет.

Биржевой ажиотаж и кризис в России конца 60-х — начала 70-х гг. XIX в.

Конец 1860-х гг. ознаменовался новым оживлением в экономике России. Толчок был дан усиленным железнодорожным строительством и спекуляцией железнодорожными акциями. Учредительской горячке и биржевому ажиотажу предшествовал весьма успешный ход дел большинства русских предприятий. Особенно высоко поднялись цены акций железнодорожных обществ, давших неплохой доход в 1867—1868 гг. и обещавших еще лучшую доходность в будущем. «Публика», видя, что доходность железнодорожных акций растет, стала помещать свои деньги в эти ценности. Спрос скоро значительно превысил предложение, цены на акции все росли, и по мере сбыта возрастали до невиданных ранее размеров. Бумаги скупались в огромных количествах, что способствовало еще большему росту цен.

Страсти разгорелись после подписки на акции Козловско-Тамбовской и Рыбинской железных дорог. «Общество, — писали современники, — заболело тяжелой болезнью — акционерною горячкою»¹⁷, а «...последние месяцы 1868 г. сделались первой эпохой принятия всею публикою участия в биржевой игре акциями»¹⁸. Е.И.Ламанский вспоминал: «Дух спекуляции охватил... всю Россию ... в 1868—1869 годах Петербург, Москва, Одесса, одним словом, все главные города увлеклись биржевой игрой до нездоровых размеров... Финансовую и денежную Россию нельзя было узнать. Весь народ, даже неграмотный, усвоил себе понятие о процентных бумагах, свободно обращающихся на биржах, о разных акциях, облигациях и т.д.»¹⁹. 1869 г. отмечал другой очевидец, «можно назвать годом спекулятивным. Одушевление, с которым производились обороты бумажных ценностей, охватившее все классы общества, распространилось подобно заразной эпидемии. ...Даже прекрасный пол не оставался чужд разгоревшемуся спекулятивному настроению и, со свойственной ему энергией, преодолев десятичные дроби, пускался в биржевую игру»²⁰. «Увлечение к игре было столь всеобщим, — обращал внимание неизвестный автор в записке, доставленной М.Х.Рейтерну, — что явилось много дам-спекулянок. На поле сражения выступило много и гвардейских офицеров, из которых некоторые постоянно уже являются на биржу, а другие рыскают по банкирским конторам, закупаая и перепродавая займы»²¹.

Помещение капиталов в акции железных дорог превратилось в самое выгодное и доходное дело. «Публика» бросилась покупать железнодорожные ценности, отчего те еще быстрее пошли в гору и повышались почти каждый день. Государственный банк, Петербургское общество взаимного кредита и другие кредитные учреждения, идя навстречу желанию «публики», предлагали свои капиталы на самых выгодных условиях, производя большие ссуды под любые бумаги, «стоящие немногим более обойной бумаги»²². Государственный банк и Петербургское общество взаимного кредита понизили ссудный процент до 5% и расширили кредит, насколько было возможно. Петербургское общество взаимного кредита давало сначала под новые акции 50% их биржевой стоимости, а вскоре довело размер ссуд под некоторые бумаги до 90%. Когда биржевая игра стала захватывать широкие слои «публики», в Обществе взаимного кредита появилось объявление о том, что уплата долга может быть отсрочена на 6 месяцев, а потом должник может, если пожелает, воспользоваться и второй отсрочкой на такой же срок. Таким образом, можно было надеяться на 18-месячный кредит, что косвенным образом поддерживало биржевую горячку.

Как только в конце 1868 г. биржевая игра с ценными бумагами приняла значительные размеры, в Петербурге образовалась неофициальная фондовая биржа, носившая характер частных собраний. Эти встречи проходили в ресторане одной из лучших в то время гостиниц столицы — «Демут». Эта «негласная», или «малая», биржа возникла по инициативе 104-х солидных биржевых деятелей, преследовавших первоначально цель установить правильный курс ценных бумаг в

частных совещаниях до открытия официальной биржи. Они пытались устранить те потери, которым подвергались из-за неожиданных крупных колебаний курсов. Здесь шла подготовка к биржевым собраниям: оговаривались и определялись условия сделок и цены бумаг.

Вскоре состав, характер и цели demuтовских собраний изменились. Постепенно гостиница «Демут» стала местом самой азартной игры и спекуляции, в ней участвовали все «самые отъявленные и рискованные» биржевые спекулянты. «Здесь среди присяжных и неприсяжных маклеров или, “зайцев”, толпились военные, члены судебного ведомства, адвокаты; здесь... были владыками агенты разных высокопоставленных лиц, и в числе их какой-то изумительной смелости и ловкости повар, один из корифеев Демутовской биржи», — писал директор Московского Купеческого банка профессор И.К.Бабст²³.

Бывший в то время еще простым репортером, А.С.Суворин, с присущей ему живостью, так описал собрания в «Демутовом трактире»: «Подобно тому, как во времена Д.Ло... на Вандомской площади собирались самые низкие негодяи и самые высокие господа — в Демутовом отеле собирались представители разных общественных слоев и положений: маклера, банкиры, генералы, чиновники. Они собирались утром от 1¹/₂ до 2¹/₂ часов и за бокалами шампанского гнали вверх бумаги, без всякого разбора»²⁴. Котировка бумаг в «Демутовой бирже» записывалась просто на доске, висевшей на стене.

Возглавлял «Демутову биржу» «один молодой человек, почти мальчик, без усов и бороды, вздумавший прослыть русским Джоном Ло», который, как писали современники, «собрал вокруг себя целую коллекцию героев»²⁵. Этим «юным гением» был 25-летний Альфред Бетлинг, биржевой маклер, «главный воротила акций Рыбинско-Бологовской железной дороги», доставшихся ему от отца, профессионального биржевика, отошедшего от дел. Все «биржевые зайцы» бывали у него по утрам, чтобы справиться, что он намерен делать: продавать или покупать. Завсегдатаями «Демутовой биржи» были петербургские купцы С.А.Кун, М.С.Рябков, К.И.Мангольд, П.И.Лихачев и др.²⁶

Биржевая горячка распространилась и в Москве, где торговля ценными бумагами, принявшая характер спекулятивной игры, оживила биржу и привлекла к участию в ней широкие слои московского общества. Н.А.Найденов вспоминал: «...азарт, с которым велось это дело, стал принимать страшные размеры, являвшиеся слухи, что такой-то в неделю нажил 50 тыс. и более, втягивали новых лиц в это болото»²⁷. Среди лиц, к биржевой деятельности ранее отношения не имевших, выделялся оставший чиновник Лутковский, наживший солидный капитал. После его смерти наследникам осталось более 3 млн руб. Однако это было редким исключением: как правило, широкая «публика» всегда несла основные потери. Так, присяжный поверенный Рихтер, зарабатывавший хорошие деньги, пристрастился к биржевой игре и ежедневно посещал биржу, где спускал все приобретенное. Значились в списке новых посетителей биржи член судебной палаты П.Г.Извольский и председатель окружного суда С.А.Дейер, ставший позднее первоприсутствующим сенатором²⁸. Не находя

достаточного удовлетворения в биржевых собраниях, владельцы московских банкирских контор основали, как в Петербурге, свою утреннюю фондовую биржу, которая собиралась в ресторане «Казино» на Чижовском подворье²⁹.

Ажиотаж на Петербургской бирже продолжался до конца августа 1869 г., и многие успели сколотить приличные капиталы в самое короткое время. На фондовой бирже, как сообщали «С.-Петербургские ведомости», «было чем потешиться любителям острых ощущений»³⁰. Цены то сильно росли, как, например, на все пароходные акции, то вдруг падали на несколько процентов в один день, как, например, на акции Главного общества российских железных дорог или Рыбинско-Бологовской железной дороги.

20 августа 1869 г. стало известно о распоряжении Петербургского общества взаимного кредита о повышении дисконта по ссудам под залог ценных бумаг с 5 до 6% и о прекращении ссуд под залог сроком на 6 месяцев³¹. Мера неожиданная, заставшая биржу врасплох, в самый разгар августовской ликвидации, когда требовались деньги для покрытия сделок. Но в кассе Общества больше не оставалось свободных денег. В Государственном банке, служившем постоянным источником для пополнения кассы Общества взаимного кредита, также не оказалось свободных капиталов. Поэтому Совет Общества был вынужден пойти на ограничительные меры. Вслед за ним повысил свой ссудный процент до 8% Государственный банк, что способствовало еще более сильному понижению бумаг на бирже. Их примеру последовали остальные петербургские банки и банкирские конторы.

Едва прошел слух, что прекращается выдача ссуд, как мгновенно приостановились все обороты с ценными бумагами. Демутовцы собирались в своей гостинице, толковали между собой и расходились, не совершив никаких сделок. Затем «Демутова биржа», чтобы спастись от полного краха, стала играть на понижение. За ней последовала «публика», и бумаги полетели еще ниже.

Биржевая паника, вспыхнувшая в Петербурге, охватила и Москву. Все «любимейшие московские бумаги», еще недавно шедшие нарасхват, не находили покупателей и падали в цене. Не имея возможности сбыть их на своей бирже, московские спекулянты с середины октября наводнили петербургский рынок акциями Московско-Рязанской и Орловско-Витебской железных дорог, упавшими сразу в цене более чем на 20 руб.³²

Произошедшие события получили известность как «знаменитый биржевой кризис в России», который оценивали как «своего рода признак совершеннолетия биржи»³³. Очередное увлечение биржей российского общества, и не только петербургского, но и значительной части московского, закончилось новым разочарованием. Количество втянутых в биржевую игру обывателей увеличилось до нескольких тысяч человек. «Публика» вскоре пресытилась спекулятивной игрой; устав от беспрерывных потрясений и волнений, она была напугана многочисленными банкротствами. Наученная горьким опытом последних лет, понесшая основные потери, она перестала прельщаться блестящей «фата-морганой» быстрого обогащения. Еще недавно из-

любленной темой разговоров в обществе была тема о доходности той или иной ценной бумаги, теперь же больше говорили о потерях или разорении того или иного известного лица.

Биржа, «американка» и «публика» в конце XIX в.

В течение почти двух десятилетий российское общество не интересовалось биржевыми делами. Впрочем, не было и повода для очередного увлечения биржей. Ситуация изменилась в середине 1890-х гг. Начавшийся в России промышленный подъем, новая активизация железнодорожного строительства, усиленный рост металлургической и нефтяной промышленности вызвали учреждение многочисленных акционерных обществ и компаний. Многие металлургические заводы были обеспечены на несколько лет крупными правительственными заказами для строительства железных дорог. Выкуп в казну ряда частных железных дорог и конверсия некоторых государством гарантированных займов способствовали появлению свободных капиталов. Для образования необходимых акционерных капиталов предприниматели начали активно выпускать различные бумажные ценности и размещать их на бирже. Широкая «публика» стала проявлять интерес к дивидендным бумагам и охотно покупать их, надеясь на скорое увеличение своих сбережений ввиду ожидаемой большой доходности новых предприятий в самое ближайшее время.

Обстановка экономического оживления, рост доходности акционерных обществ, наличие на рынке свободных капиталов и расширение банковского кредита способствовали биржевому буму. Курсы промышленных ценностей бойко шли в гору и как нельзя лучше подходили для спекулятивной игры. Естественное вначале желание «публики» к помещению сбережений в ценные бумаги сменилось биржевой горячкой 1895—1896 гг.³⁴ Позже министр финансов П.Л.Барк в своем обзоре финансовых и биржевых кризисов напишет: «Повышательная кампания на русских биржах, являвшаяся в период 1894 г. и первых месяцев 1895 г. естественным следствием общего подъема нашей промышленности, особенно усилилась ко второй половине 1895 г., приняв уже характер чисто спекулятивной деятельности»³⁵.

Известный русский экономист М.И.Туган-Барановский так описывал события тех лет: «Страсть к биржевой игре охватила обширные круги общества; официальная биржа не могла вместить всех желающих принять участие в биржевой вакханалии, и некоторые модные рестораны гостеприимно открыли свои двери для биржевых игроков, для которых на официальной бирже не находилось места»³⁶. А вот как воспроизводил происходящее чиновник Министерства финансов В.Т.Судейкин: «Биржевая игра развернулась в половине 1895 года во всю ширь. Всеми игравшими на дивидендные бумаги наживались большие деньги, и в Петербурге водворился расцвет жизни... биржевые дельцы заседали в известных ресторанах и вели оживленные толки о бирже и спекуляции, с указанием кто, на чем и сколько нажил. Играющая публика, избалованная успехами наживы и удачи, почувствовала самоуверенность и нахальство...»³⁷ Самое яркое описание

событий 1895 г. принадлежит перу известного театрального критика, бывшего биржевого репортера А. Р. Кугеля. В своих воспоминаниях он отразил царившую в обществе атмосферу того времени: «...все играли, и стар, и млад, и юноша в семнадцать лет, и старик с седой головой. Дамы в особенности, генералы — преимущественно»³⁸.

После закрытия официальной биржи и установления котировки начиналась неофициальная биржа. «Биржевые зайцы», мелкая и крупная «кулиса» подготавливались к следующему дню: скупали или продавали ценные бумаги в соответствии с определившейся тенденцией рынка или планами биржевых воротил. Собственно, тут и была настоящая «игра», которая на биржевых собраниях лишь реализовывалась. На официальную биржу допускался не всякий — здесь мог покупать и продавать любой желающий. Местом этих неофициальных и особенно популярных собраний был так называемый Милютинский ряд с прилегающей к нему частью Невского проспекта. Здесь располагалось сразу несколько небольших банкирских контор. Это место называлось «американской биржей». От 3 до 6—7 часов вечера здесь толпились мелкие «зайцы», кулисы, маклеры, игроки — выигравшие, проигравшие, чающие выиграть и потерявшие всякую надежду³⁹.

Общество в очередной раз «заболело» биржевой лихорадкой. Быстрый подъем цен на многие биржевые бумаги, высокие дивиденды, выдаваемые даже недавно открывшимися предприятиями, разговоры о скором, нередко в один день, и легком обогащении — все это привлекало к игре с акциями самую разношерстную «публику»⁴⁰. Тысячи лиц сделали акционерами совершенно им неизвестных предприятий, все сведения о которых ограничивались лишь слухами из десятых рук о предстоящем повышении их биржевых ценностей. Многие современники обращали внимание на то, что около биржи, банков, банкирских контор «появились совершенно дотоле неизвестные лица: дамы, чиновники, генералы, офицеры, кабатчики, гробовщики, просто люди без определенных занятий»⁴¹. Соответственно своему социальному положению они разделились на отдельные группы. Побогаче, повиднее и почопорнее собирались в первоклассных банках; менее притязательные, помельче и порискованнее ютились в банкирских конторах; еще помельче — у меняльных лавок. Вся эта разнородная толпа страждущих бегала по банкам, банкирским конторам и менялам начиная с самого раннего утра.

Небезынтересны характеристики биржевой «публики», данные В. Т. Судейкиным. Согласно его классификации, в первую группу входили солидные люди с большими, а иногда весьма порядочными средствами. «Увлекаясь наживой, — писал Судейкин, — они нередко угнетают банкиров, приходя до биржи в банки, они с жадностью ловят взоры своих патронов, стараясь прочесть в них настроение биржи; падают купленные бумаги — они мрачны и озабочены, повышаются — радостны. Эта часть публики смотрит на дело таким образом: повысится курс дивидендной бумаги — продали, понизится — будут держать в ожидании лучшего будущего»⁴². Другую группу составляли мелкие спекулянты, или «биржевые зайцы». Они ежедневно сновали

по бирже, банкам, банкирским конторам, менялам; вечерами — по «американской бирже». Подобная категория спекулянтов, как отмечал Судейкин, «очень деятельна, подвижна и имеет своих простодушных клиентов, для которых их слова и речи, отличающиеся тоном глубокой уверенности и авторитета, — закон. Для простаков, стоящих вдали от биржевой жизни, это самые верные люди, это их оракулы, и им они оказывают полное доверие»⁴³. Наконец, третья категория — самая многочисленная и неопытная, желавшая приумножить свои небольшие сбережения. «Эта группа лиц, — писал Судейкин, — составляет самый легковверный элемент, из которого рекрутируются биржевые жертвы, в большинстве случаев несущие все потери»⁴⁴.

При виде непрерывного повышения цен многочисленная «публика» быстро соблазнялась возможностью легкой наживы. Многим казалось, что достаточно лишь просто купить какие-нибудь бумаги, а через некоторое время их продать и положить разницу себе в карман. Первоначально подобные операции совершались очень робко и в скромных размерах, но две-три удачные попытки придавали начинающим игрокам смелость и побуждали расширять сделки до максимальных размеров. Министерство финансов отмечало, что «многие держатели бумаг после удачных опытов спекуляции на повышение, подстрекаемые недобросовестными советчиками из биржевых сфер, приобретали почти без разбора бумаги всякого нарождающегося предприятия, содействуя этим несоразмерному возрастанию цен бумаг»⁴⁵. «Публику» подогревали различные слухи о какой-нибудь крупной удаче, разговоры с фондовыми маклерами, «биржевыми зайцами», «разными дельцами, с многозначительной улыбкой изрекавшими лаконичные советы типа: “покупайте такие-то бумаги, только скорее”»⁴⁶.

Во главе спекулятивного движения стояли, как правило, две-три корпорации, в которые входили профессиональные биржевики. Они приобретали акции сотнями и тысячами. Затем потихоньку, не спеша, спускали эти бумаги с рук; нажив хорошие деньги на одной бумаге, переходили к другой и делали ее предметом такой же необузданной игры. При ограниченном числе крупных профессиональных биржевых деятелей в их среде легко могли возникнуть разного рода «синдикаты и консорциумы», «организованные шайки биржевиков» и корпорации.

Профессиональные биржевики, прекрасно зная шаткое положение мелкой спекуляции, периодически устраивали на нее нечто вроде облав, известных на биржевом языке под выражениями «высечь публику», «кровопускание», «очищение желудков» и т.д. Прежде всего, они старались при помощи разных слухов, газетных уток и ложных котировок «всучить» спекулирующей «публике» как можно больше бумаг по значительно завышенным ценам. Затем, когда начинался процесс понижения, старались взять их обратно по более низким ценам. «Высекши публику», крупные игроки вновь устраивали повышение, а купленные по низким ценам бумаги продавали по высоким. Кроме игры на повышение или понижение ценных бумаг, существовало еще несколько способов биржевых спекуляций.

Но как бы ни были сильны группировки профессиональных биржевиков, как бы доверчива ни была «публика», они не смогли бы оказать сильного влияния на развитие биржевой игры без содействия банков. Кредитные учреждения способствовали развитию спекуляции на бирже, ссужая деньги «публике» с помощью специального текущего счета под обеспечение ценных бумаг. Этот вид кредита в банковской и биржевой практике известен под термином «онколь» (on call)⁴⁷.

Почти вся биржевая торговля ценными бумагами совершалась при помощи онкольных операций, вызывавших особое доверие в обществе. Почти никто не покупал промышленные ценности за наличный расчет. Ссуда могла оплачиваться по частям, а обеспечение можно было увеличивать и уменьшать сообразно с величиной взятой ссуды. Таким образом, онкольный счет являлся ссудой на неопределенный срок, которая в любой момент могла быть полностью или частично уплачена или, наоборот, возобновлена. Как «публика», так и биржевики пользовались онкольным кредитом в банкирских учреждениях, внося обеспечение в размере 25—30% — иногда меньше, иногда больше, но, как правило, в этих пределах. Непосредственно, помимо банков через маклеров заключали сделки лишь члены биржи; «публика» же совершала свои операции исключительно при посредничестве кредитных учреждений.

Крупные коммерческие учреждения открывали онкольный кредит не под все дивидендные бумаги, а только под те, которые были признаны солидными. Более мелкие кредитные заведения относились к выдаче ссуд менее разборчиво. Они охотно выдавали ссуды под все бумаги, лишь бы они котировались на бирже. Размер ссуды также зависел от характера кредитного учреждения, состояния денежного рынка, переживаемого биржей момента и пр. Различные банкирские учреждения имели свои правила относительно онкольных счетов, причем минимальная сумма первоначального взноса могла колебаться от 2000 до 150 руб.

А.Р.Кугель вспоминает: «Для того чтобы открыть онкольный счет в мелкой банкирской конторе, достаточно было иметь рублей полтора-два наличными. Обычно принимали бумаги в 75% котировочной стоимости. Следовательно, на 150 руб. можно было иметь бумаг на 600 руб. Онкольный счет открывался начиная с 1000 руб., и “по знакомству” бумаги принимали только с 15% обеспечением. Как же было не играть при столь льготных условиях?»⁴⁸ Крупные банки действовали более осторожно. Размер выдаваемых ими ссуд колебался от 50 до 75% биржевой цены бумаги. Гораздо менее требовательными были банкирские конторы и меняльные лавки. Там даже ссуда в 90% считалась вполне умеренной⁴⁹. Естественно, что большинство желающих играть на бирже предпочитало иметь дело с ними, хотя они и взимали значительно более высокий процент. Таким образом, благодаря услугам кредитных учреждений «публика» получила возможность совершать сделки в крупных масштабах при незначительных собственных средствах.

Кроме Петербурга и Москвы в оживлении участвовали все крупные города — Варшава, Киев, Харьков и др., где играли на своих местных биржах или поддерживали непрерывную телеграфную связь с Петербургской биржей и столичными банками. В «малые биржи» превратились почти все банки с их провинциальными отделениями. Там в течение целого дня орудовали спекулянты, не имевшие доступа на официальную биржу. В отчетах биржевых хроникеров провинциальных газет также говорилось о ценах на бумаги, которые были «до биржи», «во время биржи» и «после биржи». Корреспондент из Варшавы сообщал: «Страсть к биржевой игре проникла во все слои нашего общества. Этим пользуются разного рода биржевые дельцы... Помимо обычных "операций" на бирже, дельцы эти нашли себе пристанище преимущественно в некоторых крупных кондитерских. Особенно привилегированным местом их сборищ является кондитерская "Люрс" в Саксонском саду, где с 6 до 10 часов вечера обделываются дела с необычным усердием, притом на громадные... суммы, превышающие подчас размеры утренних операций на настоящей бирже»⁵⁰. В Варшаве было еще несколько мест, заменяющих официальную биржу, например, кондитерская «Тура» в Краковском предместье и др.⁵¹

Повышение цен, начавшееся в 1894 г., постепенно усиливаясь, продолжалось до второй половины 1895 г. В августе биржевое увлечение достигло своего апогея. В начале сентября началось обратное движение: курсы всех акций стали резко понижаться, некоторые упали на 10—100% и более. Газеты запестрели одинаковыми отчетами: «На фондовой бирже очень и очень тихо... спекуляция также притихла, и нет уже в ней прежнего широкого бесшабашного маха, и только время от времени проявляется некоторое оживление, вскоре, впрочем, уступающее место унынию и вялости настроения»⁵². Дни 23 сентября и 4 октября 1895 г. стали «черными днями» на Петербургской бирже. «Новое время» отмечало: «Бранное поле представляло картину полного поражения повышателей; цены понизились так сильно, что, очевидно, побоялись поместить действительный курс, и отметка по отношению к некоторым акциям рублей на 10 выше действительных цен обращения... уныние велико, а упований мало»⁵³.

В рядах спекулирующей «публики» началась паника. Банки, ввиду резко понизившейся стоимости заложенных ценностей, стали требовать дополнительных взносов по ссудам, выданным под залог ценных бумаг по онкольным счетам. Многие игравшие были не в состоянии внести эти дополнительные суммы, поскольку все их средства были поглощены спекуляцией. Банки произвели экзекуционные продажи заложенных бумаг, что привело к еще большему понижению курсов и разорению мелкой «публики».

Понесенные «публикой» потери оценивались в несколько десятков миллионов рублей⁵⁴. Однако в целом общественное мнение по отношению к бирже не изменилось, осуждали исключительно одних биржевых спекулянтов, игравших на понижение. Паника продолжалась недолго. Промышленный подъем был в разгаре, а наступивший кризис был чисто биржевым и не мог продолжаться долго. Вскоре биржевая спекуляция нашла новые ценности для игры на повыше-

ние. Объектом игры стали нефтяные бумаги, в отношении которых повышательное движение приняло примерно такие же размеры, как с металлургическими и банковскими бумагами в 1894—1895 гг. «Фаворитками» стали акции Каспийского нефтепромышленного и Бакинского нефтяного обществ и другие нефтяные бумаги. Причиной повышения их биржевых курсов отчасти был возросший спрос на нефть на мировом рынке и, как следствие, подскочившая ее стоимость.

Министерство финансов весьма отрицательно отнеслось к биржевому ажиотажу. Повышение курсов акций квалифицировалось им как «нездоровое возбуждение», «зловредная спекуляция», «биржевая вакханалия». Во всеподданнейшем докладе министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1896 г. биржевая ситуация 1895 г. называлась «одним из первых в ряду отрицательных явлений русской экономической жизни»⁵⁵. Официально признавалось, что биржевой ажиотаж достиг очень сильного распространения и охватил спекулятивной лихорадкой обширные слои общества. Министерство финансов на страницах «Торгово-промышленной газеты» и «Вестника финансов, промышленности и торговли» неоднократно предупреждало широкую «публику» «об опасности последствий увлечения биржей» и возможных потерях: «Здесь выигрывает всегда тот, на чьей стороне при больших средствах, позволяющих выдержать трудные минуты в ожидании поворота к лучшему, еще и практическая опытность, специальная подготовка, осведомленность о многих подробностях и данных торгово-промышленных предприятий и их конкурентов и особое, приобретенное навыком искусство комбинировать... Но вовлекаемой в игру публике, непричастной к торгово-промышленной деятельности, почти все эти условия выигрыша... недоступны, а потому вполне естественно, что ей достается в этой неравной игре роль жертвы, шансы же выигрыша все на стороне специалистов биржевой игры — опытных и сильных игроков, для которых игра составляет привычную сферу деятельности»⁵⁶. Однако в разгар биржевых страстей никто особо не обращал внимания на призывы к осторожности и благоразумию.

В период оживления на бирже появилось немало высокопоставленных чиновников и даже сановников, участвовавших в спекуляциях. В прессе сообщалось, что начальник хозяйственного отдела Министерства внутренних дел «сорвал с биржи в ту пору тысяч двести» и был вынужден покинуть службу, став «счастливым обладателем виленских, ковенских, гродненских латифундий»⁵⁷. Другой подобный случай произошел с директором Департамента железнодорожных дел Министерства финансов В.В. Максимовым. Он тоже «ходил на биржу... взял с нее немалый куш», после чего ему было предложено оставить службу⁵⁸. Иногда «злые языки» пытались распространять слухи об участии в биржевой спекуляции близких родственников С. Ю. Витте, но даже «заклятые враги» не решались обвинять его самого в игре на бирже и страсти к наживе.

Биржевая горячка 1890-х гг. привлекла к участию в спекулятивной игре даже те слои российского общества, которые до этого совершенно не интересовались никакими ценными бумагами и биржей. Их

численность превышала десятки тысяч человек. Возможность быстрого и легкого обогащения привлекала людей, далеких от биржи и финансов. Этот интерес, как в зеркале, отразился в российской прессе. Появилось большое количество самых разных экономических изданий, которые в значительной мере формировали мнение обывателей. Почти в любой столичной и даже провинциальной газете можно было найти курсовую таблицу или биржевую хронику. Заметно повысилась роль рекламы, усилилось значение прессы для биржи. Так как долгое время биржа не привлекала к себе особого внимания ни со стороны широких слоев общества, ни со стороны прессы, то биржевые бюллетени печатались весьма длительное время только в «Коммерческой газете» и только два раза в неделю. Лишь с конца 1860-х гг. бюллетени стали печататься ежедневно во всех крупных российских газетах. Исключение составлял, пожалуй, только «Правительственный вестник», который выписывался во всех государственных учреждениях и по-прежнему продолжал печатать официальные курсы и только два раза в неделю.

Кугель отмечал, что до 1890-х гг. нравы русской прессы были «довольно чисты и невинны». «В худшем случае, — писал он, — попадались бутербродные рецензенты и репортеры. Но с первым расцветом биржи и широкой спекуляции нравы прессы стали быстро... видоизменяться. ...Биржевые обозрения, которых раньше никто не читал, которые и печатались не чаще раза в неделю, стали самой живой и бойкой рубрикой газеты. Большие органы печати еще держались кое-как, хотя нет-нет то в хронике, то в статьях и заметках проскальзывали весьма недвусмысленные рекламы предприятиям, банкам, выпускам акций и облигаций и прочее. В мелкой же прессе биржевой отдел затмил и спорт, и театр»⁵⁹. В редакциях газет играли так же, как в канцеляриях, в лавках, в светских салонах и ресторанах.

1899 г. начался на бирже неплохо; казалось, все благоприятствовало продолжению спекулятивной игры, но оживление продолжалось лишь до первых чисел февраля, когда началось резкое падение всех бумаг, усиливавшееся с каждым месяцем. Летом разразился крах известного миллионера П.П. фон Дервиза, который был тесно связан со многими промышленными и кредитными предприятиями. Вскоре после банкротства Дервиза последовал крах не менее известного миллионера и мецената С.И. Мамонтова. Для многих эти фигуры были олицетворением богатства и процветания⁶⁰. Весной 1901 г. произошел крах харьковского банкира и промышленника А.К. Алчевского. Пошатнулись дела братьев Поляковых. Эти банкротства произвели удручающее впечатление и на биржу, и на все общество в целом. За ними последовали разорения мелкой и средней «публики». Не в лучшем положении оказались и некоторые коммерческие банки, так как их портфели были переполнены ценными бумагами.

Биржевые операции с лета 1899 г. надолго встали на «мертвую точку», и всякие попытки «гальванизировать» биржу оставались безрезультатными. Малейшее оживление пресекалось через несколько часов, затем бюллетень гласил: «Твердо, но тихо». «Твердо», т.е. никто не продает, «тихо» — никто не покупает. Биржевые хроникеры были

единодушны в своих оценках ситуации: «Мы переживаем кризис, развитию которого не предвидится конца... бюллетени приносят с каждым днем все новые и новые понижения самых солидных ценностей...»⁶¹. «На бирже с каждым днем становится все хуже и хуже, положение приобретает положительно угрожающий характер»⁶².

Биржевые потрясения и крахи конца 1890-х гг. вызвали естественный отток широкой «публики» от биржи, что отразилось и на прессе. Резко сократились публикации о бирже, усилилась ее критика, появились всевозможные разоблачительные статьи, наконец, стали закрываться сами биржевые издания. Общество в очередной раз обвиняло биржу и биржевиков в разжигании нездоровых страстей, обмане и разорении. Все повторялось до следующего биржевого увлечения.

Биржевой бум начала XX в.

Под влиянием экономического кризиса и депрессии, русско-японской войны и революции 1905—1907 гг. фондовый рынок находился в угнетенном состоянии. Никакого интереса к бирже общество не проявляло. Только с конца 1907 г. положение на рынке ценных бумаг начало медленно улучшаться. Постепенно восстанавливались экономическая конъюнктура и политическая стабильность, а вместе с ними происходило возвращение к нормальному, естественному функционированию фондовой биржи. «Публика» еще не рисковала помещать деньги в акции, приобретая в основном солидные бумаги: государственные фонды, закладные листы земельных банков, облигации городских кредитных обществ, железнодорожные облигации. Биржевая игра велась в основном среди профессионалов. Сначала повысился спрос на игровые бумаги, а затем и на все остальные биржевые ценности. Общество скоро «забыло» свое недавнее предубеждение к бирже.

Начавшееся постепенное улучшение биржевого настроения продолжалось до середины июля 1910 г. Обозреватель официальных «Торгово-промышленной газеты» и «Вестника финансов, промышленности и торговли» В.А. Мукосеев отмечал: «В истории русских фондовых бирж истекший год — многозначительная дата, подобно 1869, 1875 и 1894/5 гг. Он характеризуется необычайным курсовым подъемом почти всех процентных бумаг, стремительным возрастанием оборотов с бумажными ценностями, повышенной, временами азартной, деятельностью профессиональной спекуляции, весьма активным участием “публики” в биржевой игре, участием крупного и мелкого капиталов по размещению бумаг и наличием неослабного и исключительного внимания общества к бирже. ...легкая доступность в кредите расширила поле профессиональной спекуляции. На фондовую биржу пошла улица, поставляющая для биржевых баталий пушечное мясо. Появился сильный ажиотаж, и рост курса принял чрезвычайные размеры»⁶³.

17 июля 1910 г. на бирже были зафиксированы наивысшие цены. А на следующий день началось ослабление, которое переросло в резкое падение цен. 26 июля 1910 г. стало очередным «черным днем»

биржи. Произошедший резкий перелом биржевого настроения и смена «повышательной тенденции — стремительным понижением» были расценены как «крах спекулятивного ажиотажа»⁶⁴. С августа цены то поднимались, то опускались, но в общем медленно катились вниз. Эта ситуация продлилась до середины декабря 1910 г. Со второй половины декабря и до апреля 1911 г. цены на бирже снова усиленными темпами «пошли вверх», достигнув высших отметок 30 апреля, а с начала мая вновь стали понижаться. В середине 1911 г., во время объявления турецко-итальянской войны, Петербургская биржа испытала резкое понижение курсов; впрочем, вскоре все бумаги снова «оправились». Без сомнения, это было случайным явлением и не отразилось на дальнейших биржевых расценках. Таким же несущественным по своим последствиям оказалось понижение в июне этого же года, во время марокканского инцидента. Затем отправка Турции русской ноты протеста, касавшейся постройки анатолийской линии укреплений, также вызвала легкое беспокойство на бирже, но незначительное по своим размерам. «Публика» достаточно нервно переживала все изменения, происходившие на фондовом рынке, что проявилось в ее метании из одной крайности в другую.

Петербургскую биржу, как и «публику», в тот момент волновало не столько состояние российской экономики, сколько политические события, на которые реагировали в разной степени все крупнейшие мировые финансовые центры. Например, известие об убийстве в Киеве 1 сентября 1911 г. П.А.Столыпина создало благоприятную почву для спекулятивной игры на понижение. Первыми среагировали провинциальные вкладчики бумаг, которые, узнав о смерти премьер-министра, немедленно дали приказ банкам в Петербург и Москву продавать на бирже имеющиеся у них ценности. Реализация массы биржевых ценностей вызвала общее падение цен, которым воспользовались крупные биржевые дельцы и банки. Они являлись единственными покупателями бумаг, падающих в цене⁶⁵. Однако эти кратковременные понижения имели искусственный характер и не могли повлиять на общий экономический подъем и начинающийся биржевой бум.

Вслед за Петербургом и Москвой в «биржевой водоворот» втянулась и провинция. Местные отделения банков завалили правления поручениями своих клиентов. В некоторых городах появились неофициальные биржи. В Киеве, в кафе «Самадени» и банкирской конторе А.М.Левенсона на Крещатике от 15 до 16 часов и от 16 до 17 часов у банкирской конторы «Ландау Л.В. и К^о» также на Крещатике, рядом с официальной биржей действовала своя «американка». Любимыми бумагами киевских спекулянтов были акции нефтяных, металлургических и железнодорожных предприятий. В биржевых репортажах в то время постоянно встречается фраза, почти газетный штамп: «В Киеве играет млад и стар».

Одесса в этом отношении сильно отличалась от Киева. Там играла только «навверняка» группа «дельцов». Одесская биржа поразила столичного биржевого журналиста и издателя И.М.Эн-Янкова. В своих путевых заметках он отмечал: «...сразу попадаешь в море людей, жес-

тикулирующих, кричавших, волнующихся; резко здесь выделяется манера южан говорить руками. ...шум и гам на бирже в Одессе — явление обычное»⁶⁶. Покупка и продажа ценных бумаг происходили в очень ограниченном количестве, и производили их почти одни только банки и банкирские конторы. Частной публики было очень мало. Интерес Одесской биржи сосредотачивался преимущественно на земельных облигациях местного Бессарабско-Таврического банка, акциях Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ), российском займе 1844 г., банковых и нефтяных ценностях. Особенно выделялся на Одесской бирже своими операциями банкир М.Ашкенази. Тем не менее в периоды экономического подъема на Одесской бирже также царил атмосфера спекулятивного ажиотажа.

В прессе время от времени сообщалось о раскрытии очередной «биржевой панамы». Например, в Киеве начальник Центрального почтово-телеграфного отделения, играя на бирже, задерживал ради собственных интересов передачу банками биржевых и фондовых телеграмм и одновременно сообщал их содержание отдельным биржевикам. Этим же занимались и его подчиненные, другие чиновники телеграфа, также игравшие на бирже⁶⁷.

Страсть к биржевым операциям коснулась даже русской деревни. Брянский корреспондент газеты «Голос Москвы» сообщал, что в их уезде, в селе Дятьково, где располагались известные Мальцовские заводы, «неуклонное повышение мальцовских акций вовлекло в биржевую игру простых дятьковских обывателей». «Биржевой ажиотаж, — по словам корреспондента, — охватил даже людей малоимущих. С каждым новым повышением бумаг «страсти разгорались». Возможность скорой и легкой наживы показалась игрокам настолько заманчивой, что они стали играть и на других бумагах. В конторах, в семье, на улицах только и разговоров, что о котировке биржевых бумаг»⁶⁸.

Встречались случаи на первый взгляд и совсем необычные. Например, семья Поповых, муж Александр Федорович и жена Елизавета Ивановна, из села Кереть Кемского уезда Архангельской губернии состояла в регулярной переписке с петербургскими банками относительно операций с ценными бумагами. Они хранили в Петербургской конторе Государственного банка облигации 4%-ной ренты, давали поручения застраховать от тиража погашения выигрышные билеты 2-го внутреннего займа Международному коммерческому банку и банкирской конторе К.А.Толстопятова. При этом Е.И.Попова (до замужества Шайтанова) вела переписку лично, узнавала о причитавшихся ей процентах и по своему усмотрению распоряжалась вкладом⁶⁹. Делалось все солидно, обстоятельно, с достоинством. Конечно, подобное было редкостью, но не исключением.

В эти годы в Петербурге вновь увеличилось число биржевых игроков, и помещение биржи с трудом вмещало всех желающих. Непрофессиональные спекулянты наводнили банки, банкирские дома и конторы. Вновь возникла вечерняя, так называемая «американская», биржа, т.к. во время официальных собраний не успевали выполнить все поручения клиентов. Если раньше биржевые дельцы и «зайцы»

встречались в ресторанах, кондитерских или на улице около банков и банкирских контор чуть ли не подпольно, то сейчас послебиржевые собрания устраивались почти открыто. Одно время петербургские биржевые спекулянты встречались в кофейне Андреева и кафе «De Paris», затем в конторе С.А.Никитина, банкирском доме Климы, в конторе Бурцева, на «Вилле Родэ» и даже на скейтинг-ринге на Марсовом поле. Позже собирались в банкирской конторе «Кафталъ и Гандельман», откуда перебрались к Захарю Жданову, затем облюбовали банкирский дом Г.Д.Лесина. Эти собрания рассматривались как нечто серьезное. Отчеты о них даже публиковались в газетных биржевых хрониках⁷⁰.

Небезызвестный биржевой спекулянт и банкир З.П.Жданов позже вспоминал об этом времени: «Колесо биржи завертелось с небывалой у нас быстротой и силой, перемалывая деньги в бумагу.. и выбрасывая акции и облигации, отсасывая народные сбережения в промышленность и награждая публику изображениями оных на бумаге, окрашенными цветной радугой надежд на повышение и легкую наживу. И наживали. В результате биржа у тысяч людей — профессия, у миллионов — подсобное дело, у большинства — на устах, у всех или почти у всех — в мыслях. Если деловые люди разговаривают, то тема их разговоров — “акции”; если они спешат разойтись, то ради “акций”; если они останавливаются хоть на минуту, причина этого — “акция”»⁷¹. Сам Жданов (Голяшкин) происходил из крестьян деревни Семенцово Мышкинского уезда Ярославской губернии, окончил 4 класса сельской школы, а затем бухгалтерские курсы Побединского в Петербурге.

Почти 99% посетителей банкирских контор не имели права посещать биржу. Для того чтобы клиенты были осведомлены и находились в курсе биржевого дня, владельцы банкирских заведений обещали им давать сведения с биржи несколько раз за время собрания. С этой целью использовалась телефонная связь. В конторах у специального телефона всегда находился служащий, который время от времени звонил на биржу и сообщал о происходивших там событиях. Почти все крупные банкирские заведения имели на бирже свои телефонные аппараты.

Новый промышленный подъем и биржевой ажиотаж совпали со временем расцвета специальной биржевой прессы, во многом влиявшей на формирование общественного мнения. Одним из первых в России чисто биржевую газету стал издавать П.Ф.Левдик. Получив небольшое наследство, он в 1904 г. основал газету «Биржевые известия». О бирже писали и раньше, но до Левдика русская периодическая печать относилась к этой теме «свысока», считая не совсем приличным много писать о спекулятивной игре, наживе и выгоде.

Вслед за П.Ф.Левдиком к изданию специальных биржевых газет и журналов приступили: И.Я.Попов — журнал «Банковая и торговая жизнь» (1909—1910); А.И.Зейдман — журналы «Биржевой ежемес-ячник» (1910—1914) и «Биржа» (1911—1914); Н.А.Нотович — журнал «Финансовое обозрение» (1910—1916); А.С.Харитонов — журнал «Банковое дело» (1912—1915); И.М.Эн-Янков — журналы «Банко-

вая и биржевая жизнь» (1912), «Банки и биржа» (1913—1915), газеты «С.-Петербургский биржевой день» (1913—1914) и «Биржевые известия» (1914—1917); А.А.Васильев — журнал «Биржевая спекуляция и акционерное дело» (1913—1914); П.М.Стадырнов — журнал «Биржа и русская промышленность» (1913—1916); А.Ф.Филиппов — газета «Деньги» (1913—1914); З.П.Жданов — газета «Биржевой день» (1913); В.А.Висковатов — журнал «Банки и акционерное дело» (1913), В.Л.Утин — «Онколь и русские биржевые бумаги», С.Ю.Хейфиц — журнал «Биржа за неделю» (1914—1917) и др. Фактически с 1911 г. в биржевое издание превратилась даже газета «Обозрение театров», издаваемая и редактируемая И.О.Абельсоном. Ее даже называли «Театрально-биржевое обозрение»⁷². На страницах этих биржевых изданий можно было получить самую разнообразную информацию о состоянии фондового рынка.

Особенно много газет и журналов, посвященных исключительно биржевым и банковским вопросам, имевших своих постоянных читателей, выходило в 1911—1914 гг. Все сведения о промышленности и банках освещались в них с биржевой точки зрения. Почти вся российская биржевая пресса издавалась в Петербурге. В Москве выходили: в 1911 г. — «Биржевая вечерняя газета» (редактор-издатель А.Л.Будо) и в 1913 г. — «Московская торгово-промышленная и биржевая газета» (редактор-издатель В.П.Крупенин). В провинции публиковались в основном бюллетени местных бирж, и лишь в Ростове-на-Дону в 1912 г. печаталась еженедельная газета под названием «Фондовая биржа». Большинство биржевых изданий прекратило свое существование в начале Первой мировой войны.

В биржевых изданиях время от времени появлялись анонимные публикации и объявления, например: «Акцию укажу, имеющую вскоре подняться...», «Биржевые операции — три акции, публике неизвестные», «Акции со скидкой...», «Биржа, имея 1000 франков...», «...приглашаю руководителя в биржевые операции...»⁷³. Банкирская контора А.П.Кропотова публиковала в некоторых изданиях такое объявление: «Играйте на бирже! Групповая спекуляция! Пай 10 руб. Всякому доступно спекулировать...» Меняльная лавка Толстопятова в «Биржевых известиях» размещала следующую рекламу: «Богатство дает Биржа! Спешите наживать деньги! Биржа изумительно быстро богатит. Кто хочет иметь успех! Тот может обратиться в меняльную контору К.А.Толстопятова...» Некоторые номера журнала «Банки и биржа» имели подзаголовок «Наживают деньги те, кто играет на бирже, и для этого — журнал, посвященный интересам финансовой, биржевой и промышленной жизни»⁷⁴. В рекламных проспектах издания указывалось: «Много денег имеет тот, кто интересуется биржей и для этого читает журнал "Банки и биржа"». Рассчитаны они были исключительно на широкую «публику», пристрастившуюся к биржевой спекуляции.

Как знамение времени появились особые конторы для консультаций по биржевым вопросам. Развитию интереса к биржевой спекуляции среди широких кругов населения содействовало распространение всевозможных руководств и пособий. В них в популярной форме

давались полезные советы для тех, кто решил поместить свои сбережения в ценные бумаги⁷⁵. Так, некто А.Ратьков (А.И.Репьев) издал брошюру под названием «Кратчайший и доступный каждому путь к богатству. Биржевые операции: Популярное руководство», где откровенно признавался, что добился успеха и производит свои операции в банкирской конторе «Захарий Жданов и К^о». Брошюра стала бестселлером, поэтому в следующем году последовало ее второе, исправленное и дополненное, издание тиражом 50 тыс. экземпляров, а затем и третье. Как выяснилось позже, эта брошюра была подготовлена и издана самим З.П.Ждановым. Он оплатил все типографские затраты, занимался рассылкой как первого, так и второго ее издания, платил за объявления о выходе книги в разных газетах. А.И.Репьев являлся только доверенным лицом банкирского дома «Захарий Жданов и К^о»⁷⁶. В 1911 г. некий Л.Холодницкий выпустил брошюру, озаглавленную «Тайны биржевой игры». В ней содержалась критика «бульварной» и «пакостной книжки» Ратькова. Холодницкий обвинял последнего в том, что тот «усердно пропагандирует биржевую игру и прямо зазывает публику в определенную “лавочку”», и называл его «книжку» «плохо замаскированной беззастенчивой рекламой... банкирского дома... до тошноты надоевшего своими объявлениями во всех периодических изданиях»⁷⁷.

Почти одновременно вышли без указания авторства «Советы к биржевым операциям онколоиста», «Руководство в биржевых операциях на С.-Петербургской бирже», «Биржа и спекуляция». В 1912 г. биржевой делец А.А.Васильев выпустил книгу с достаточно красноречивым названием «Биржевая спекуляция, теория и практика», в которой делился накопленным опытом. Впрочем, немало было и публикаций с критикой или осуждением биржевиков и спекуляции. Биржу сравнивали с вертепом, игорным домом, рулеткой и т.д., но в периоды ажиотажа на это мало кто обращал особое внимание.

Биржевая тематика нашла отражение в русской литературе. Еще в 1874 г. П.Д.Боборыкино опубликовал свой роман «Дельцы», прототипом одного из основных персонажей которого — статского генерала Саламатова, по признанию самого автора, послужил «кумир тогдашнего биржевого и финансового мира» Н.Н.Сушов⁷⁸. В 1884 г. вышел роман Вас.И.Немировича-Данченко с характерным названием «Цари биржи (Кайново племя в наши дни)». О его популярности свидетельствует то, что до 1914 г. он переиздавался 11 раз. В главном герое — хозяине банкирской конторы А.Ф.Столешникове — современники узнавали реальных лиц из финансового мира Петербурга. В основе изданного в 1919 г. нового сочинения Немировича-Данченко «Банкирский дом (нравы нашей буржуазии)» также лежали реальные события истории владельца петербургского банкирского дома «А.И.Зейдман и К^о»⁷⁹. По слухам, роман из жизни столичных биржевиков писал директор Петербургского Международного коммерческого банка А.И.Вышнеградский⁸⁰. Биржу в качестве поэтического образа использовали в своих стихах Б.Лившиц, М.Волошин, А.Блок и др.

Общая атмосфера, печать и реклама сделали свое дело. В очередной раз круг играющих на курсе ценных бумаг расширился неимо-

верно. Как и раньше, спекуляцией, по словам очевидцев, заразились почти все слои общества: «аристократия, дворянство и чиновники, купцы, ремесленники, даже духовенство и монашество. Мужчины, женщины, вдовицы, девицы, чуть ли не дети»⁸¹. По подсчетам прессы, слабый пол составлял в банках около 15% всей клиентуры, в банкирских учреждениях — еще больше — до 25%⁸².

Искушенные в делах, опытные биржевые дельцы уверяли, что ничто так не гипнотизирует и не вовлекает в биржевые операции, как окружающая картина всеобщего азарта. На бирже, а особенно на «американке», в шумной толпе, подогреваемой в нужном направлении, было трудно удержаться, чтобы не последовать общему примеру. Операции совершались быстро, и решения принимались молниеносно. Порой не было времени что-то сообразить, обсудить или рассчитать. Иначе момент мог быть упущен. Эта психология азарта, гипнотизирующая чужим увлечением, заставляющая следовать общему примеру, создающая такую обстановку, которая бывает на аукционах, успешно использовалась в банкирской конторе Жданова, превратившейся в неофициальную вечернюю биржу.

Новое повышение курсов с начала 1912 г. продолжалось вопреки всем прогнозам почти полгода, до начала осени. К 10 сентября курсы достигли наивысших отметок, 11—12 сентября начались колебания цен, а 18 сентября в течение одного часа все процентные бумаги разом упали в цене. На конец сентября среднее понижение бумаг, котировавшихся на Петербургской бирже, составляло: 23,3% для золотопромышленных ценностей, 23% для цементных, 20,5% для металлургических, 16,2% для нефтяных, 15% для железнодорожных и 5% для банковских⁸³. Общие потери на бирже оценивались примерно в 4 млрд руб.

Резкое понижение курсов в «черные дни» 18 и 19 сентября 1912 г. на Петербургской бирже сопровождалось одновременным падением цен на биржах Берлина и Парижа. Поводом к возникновению биржевой паники послужило известие о неизбежности войны на Балканах и участия в ней России. Большинство русских газет, как политических, так и экономических, квалифицировали балканские события как главную причину биржевой паники.

В июне 1913 г. политический горизонт вновь омрачился из-за вспыхнувшей Второй балканской войны. Только ее окончание принесло временное успокоение европейскому фондовому рынку, но угроза новой войны придавала неопределенность биржевой деятельности. Петербургская биржа так и не смогла оправиться, хотя в промышленности России не намечалось ни сбоев, ни спада производства. Единственное, что «давило» на биржу, — это колоссальная масса бумаг, выпущенных за последние годы и не нашедших «крепких рук». Только в течение первых восьми месяцев 1913 г. в котировку Петербургской биржи официально были допущены акции 22 предприятий на сумму в 10335 тыс. руб.⁸⁴

Сильные колебания курсов с тенденцией к общему понижению, начавшиеся с середины 1913 г., напугали и в конце концов отшатнули широкую «публику» от биржи. Временами биржевые собрания были

близки к грани, за которой начинается настоящая паника. Заключаемые сделки отличались незначительными размерами. Преобладало предложение, которое зачастую оставалось без всякого спроса. Спад на фондовом рынке особенно отчетливо обозначился в конце 1913 — начале 1914 г., совпав с весьма слабым настроением на зарубежных биржах.

В биржевой прессе стали появляться статьи с красноречивыми заголовками: «Где же выход?», «Что делать?», «Как оздоровить биржу?» и т.д. Газета «С.-Петербургский биржевой день» в нескольких номерах подряд поместила мнения о положении дел на бирже более ста видных политиков, финансистов, ученых-экономистов, банкиров, членов Государственной думы, чиновников, биржевых маклеров, представителей «кулисы» и «публики». Большинство видели причину биржевого спада в чрезмерном выпуске ценных бумаг, что привело к переполнению фондового рынка сверх его покупательной способности и повлекло за собой резкое понижение цен на бирже. Довольно образно выразился по этому поводу профессор И.Х.Озеров: «Биржу тошнит от новых эмиссий, у нее началась эмиссионная рвота»⁸⁵. Подводя итоги этого своеобразного опроса, газета «С.-Петербургский биржевой день» резюмировала: «Банки во всем винят нового министра финансов <П.Л.Барка>. Министр винит банки. А биржевики винят и министра, и банки... Ругают банки ("Красный крест" (так именовалось объединение крупнейших коммерческих банков страны во главе с Государственным банком (1899—1917). — П.Л.)) за то, что они проводят интервенцию таким образом, что от нее тошно становится»⁸⁶.

Угнетенное состояние фондового рынка и падение курса ценных бумаг в Петербурге отразились также на положении многих провинциальных банков и представителей торговли и промышленности. Так, например, корреспондент из Самары сообщал: «Размеры потерь самарцев, по имеющимся сведениям, достигают до 2¹/₂ млн руб. Один из представителей торговой Самары потерял более 500000 руб. и, очутившись накануне разорения, был вынужден заложить свои дома. Другой видный банковый деятель, проиграв на бирже 300000 руб., в настоящее время находится в безвыходном положении, не зная, как ликвидировать свои потери»⁸⁷. Подобная информация поступала и из других российских городов.

Биржа и общество в годы Первой мировой войны

Политические события в Европе, предшествовавшие Первой мировой войне, не могли не отразиться на фондовом рынке. Война еще не началась, а биржи большинства стран уже переживали серьезные потрясения. Не была исключением и Россия. В Петербурге и Москве расстройство кредита и денежного обращения возникло еще 12 июля 1914 г., когда окончательно исчезли надежды на мирный исход конфликта. Закрытие 16 июля Фондового отдела столичной биржи мгновенно отразилось на всех провинциальных биржах. За отсутствием официальной котировки, получаемой из Петербурга, они оказались

не в состоянии давать реальную стоимость большинства фондов и акций. И хотя Московская биржа оставалась в эти дни открытой, выход биржевого бюллетеня был прекращен. Одесская, Рижская, Харьковская биржи формально прекратили операции также с 16 июля, а Варшавская — с 17 июля.

С началом войны все русские биржи официально считались временно закрытыми, но вскоре появились заметки о происходивших негласно сделках с государственными и ипотечными бумагами⁸⁸. Более или менее постоянное функционирование неофициальной фондовой биржи в Петрограде, происходившее в виде частных собраний, началось во второй половине сентября. Сначала появился робкий спрос по сильно пониженным ценам на заем 1906 г., выигрышные займы, 4¹/₂%-ные облигации Петроградского городского кредитного общества. Когда выяснилось, что продавцов по этим низким ценам мало, а желающих воспользоваться падением курса для приобретения бумаг достаточно много, цены стали постепенно оправляться. Появился некоторый спрос и на другие бумаги. К концу 1914 г. для большинства котирующихся на столичной бирже ценностей установились определенные курсы. Оборот с ценными бумагами, перешедший в частные собрания, первоначально носил крайне ограниченный характер. Широкие слои «публики» держались от биржевых сделок в стороне. Понеся значительный материальный ущерб из-за падения курса ценных бумаг, общество недоверчиво относилось ко всяким неофициальным биржевым новостям.

Значительную роль в укреплении престижа «частной биржи» сыграла пресса, представлявшая ее собрания как крупное явление экономической и общественной жизни страны. В конце 1915 г. в газетах стали появляться статьи о необходимости открытия официальной фондовой биржи. С конца 1915 — начала 1916 г. в прессе стали публиковаться котировки частных биржевых собраний.

И хотя большая часть биржевых изданий прекратили в начале войны свое существование, некоторые издания такого типа продолжали выходить. По распоряжению главнокомандующего русской армией и по настоянию петроградского градоначальника была закрыта на все время войны газета «Биржевые известия». Ее издателем в то время был И.М.Эн-Янков. Подписчикам вместо «Биржевых известий» рассылалась газета «Биржевой день». Закрылись в 1915 г. журналы «Банки и биржа» («Новые банки и биржа»), «Банковое дело». В 1916 г. цензурой было приостановлено на время военных действий издание газеты «Биржевые новости», редактором-издателем которой был Н.Н.Набиркин. Однако во время войны в Петрограде открывались и новые биржевые газеты. В 1915 г. Н.С.Добровольский приступил к изданию «Вопросов банков, биржи и финансов», а в 1916 г. стали выходить газеты «Война и промышленность», редактируемая Г.С.Короглуевым, и «Биржевой курьер», издаваемая А.Я.Гутманом и В.В.Рюминым. Меняя названия, продолжали существовать «Биржа за неделю» («Биржевой еженедельник», «Еженедельник») С.Ю.Хейфица, «Биржа и русская промышленность» («Биржа») П.М.Стадырнова, «Банковая и торговая газета» Г.С.Габриловича.

В начале 1916 г. изменилась экономическая ситуация в стране. При подведении итогов деятельности промышленных предприятий за 1915 г. оказалось, что подавляющее их большинство не только не находится в расстроенном состоянии, а, наоборот, получило изрядную прибыль и смогло выдать неплохие дивиденды. Наряду с этим, на денежном рынке появился избыток свободных средств, притом довольно значительный.

Свободный капитал, не находивший из-за условий войны иного помещения, устремился в сферу фондовых сделок. Общая благоприятная для совершения новых кредитных операций государства конъюнктура денежного рынка подтвердилась успешной реализацией объединенного железнодорожного займа. Подписка, прошедшая в конце сентября, имела редкий успех. Еще до опубликования подробных условий займа предварительная подписка на него в частных кредитных учреждениях достигла исключительных размеров. Общая сумма выпускаемого займа в 350 млн руб. была покрыта подпиской, продолжавшейся всего четыре дня, в 4 раза. Подписчики по разверстке получили не более 25% заказанных облигаций⁸⁹.

Собрания и котировка «частной биржи» постепенно приобрели немаловажное значение. Появилась возможность по этим ценам (порой даже выше цены в день закрытия биржи) не только купить, но и продать ценные бумаги. Военные государственные займы внесли на фондовый рынок обилие новых ценностей с доходностью, превышавшей доходность большинства частных бумаг. В то же время прибыльность некоторых предприятий, работающих на оборону, удесятирилась, и к ним также возник вполне понятный биржевой интерес. Весьма важным фактором повышательного движения на «частной бирже» стали также всеобщая дороговизна в стране и обесценивание денег.

В первое время было немало скептиков, которые усматривали в возобновлении спроса на обесцененные биржевые бумаги простой маневр повышателей с целью избавиться от залежавшегося товара. Не поверили в улучшение биржевой конъюнктуры и многие банки, которые при первых признаках оживления поспешили отдать крупные партии бумаг по крайне низким ценам. Однако биржевые обороты уже в 1915 г. приняли столь ярко выраженный повышательный характер, что те же банки были вынуждены вскоре возвращать проданное, но уже по более высокому курсу⁹⁰.

С первых месяцев 1916 г. биржевые обороты стали увеличиваться с каждым днем. Наибольшим спросом пользовались все металлургические бумаги, за ними шли нефтяные, транспортные, железнодорожные и, наконец, банковские. В меньшей степени это повышение коснулось акций золотопромышленной группы. Государственные фонды, ипотечные ценности, железнодорожные займы отошли на второй план. Сделки совершались не только в Петрограде, но и в других крупных российских городах⁹¹. Так, например, акции Первого общества подъездных железных путей в России поднялись в цене за время с конца весны к началу осени с 66 до 130 руб., Русского товарищества для добычи, перевозки, хранения и торговли продуктами нефти «Нефть» — с 159 до 258 руб., мальцовские — с 262 до 430 руб.

и т.д.⁹² Длительная повышательная тенденция, стремительно нарастающая еще с весны 1915 г., привела к тому, что курсы большинства дивидендных ценностей превысили уровень довоенного времени. Сложившаяся ситуация «создала очень благоприятные условия для открытия официальных биржевых собраний — ввиду возможности безубыточной ликвидации онкольных сделок, заключенных перед закрытием биржи в начале войны»⁹³.

Продолжавшийся биржевой подъем в августе 1916 г. достиг наивысшего уровня, за которым началось понижение. Впрочем, наступившая реакция продлилась недолго. В сентябре биржа снова окрепла, и благоприятная тенденция держалась до конца года. По мнению известного экономиста И.И.Левина, во время войны биржевой оборот с ценными бумагами в Петрограде можно было сравнить по размаху с биржевым ажиотажем середины 1890-х гг. или даже подъема 1910—1912 гг.⁹⁴

В подготовленной Особенной канцелярией по кредитной части Министерства финансов записке «Об открытии Фондового отдела Петроградской биржи и мерах, им вызванных» указывалось, что под влиянием ряда благоприятных условий появился спрос на процентные и дивидендные бумаги, который в течение всего лета продолжал неизменно расти. Количество сделок и сумма оборотов приняли весьма крупные размеры, и настроение рынка по временам напоминало наиболее яркие дни подъема биржи в 1911 г. Все новые выпуски дивидендных бумаг, производившиеся в большом количестве, легко находили размещение и сразу же становились предметом оживленных сделок. Особое внимание обращалось на то, что «немалая часть покупателей платила за бумаги деньги, не обращаясь к кредиту банков, и этим придавала повышению прочный характер»⁹⁵. При этом признавалось, что «неизбежный при всяком длительном движении на бирже элемент спекуляции... играл свою роль». Происходящие вне всякого контроля собрания частной биржи не гарантировали порядка и соблюдения интересов широкой «публики». Вход на незаконные биржевые собрания никому не возбранялся, и спекулянтам был предоставлен полный простор. Были случаи, когда сдача бумаг задерживалась месяцами, что давало возможность играть на понижение в бланк. Наконец, расценки бумаг, печатаемые в газетах, никем не проверялись и не контролировались, отчего носили случайный характер. Отклонение цен давало возможность исполнять биржевые поручения клиентов по невыгодным для них курсам. В то же время неофициальная биржа превратилась в единственное в стране мерило стоимости не только дивидендных бумаг, но и фондов, в том числе выпускаемых государством военных займов. При таких условиях Министерство финансов, «в целях устранения указанных отрицательных сторон», признавало своевременным открытие официальной столичной фондовой биржи⁹⁶.

В годы войны значительно увеличилась емкость биржевого рынка, в основном за счет целого ряда новых выпусков акций, разошедшихся без всякого участия со стороны банков. При этом новые выпуски совершенно не отразились на старых ценностях. До огромной цифры

в 8 млн руб. увеличилось количество облигаций государственных займов, выпущенных за время бездействия официальной биржи. Перед войной такое наводнение фондового рынка новыми бумагами, несомненно, привело бы к серьезным проблемам и временным трудностям в их размещении. Но в конце 1916 г. это служило лишь поводом к усилению биржевого ажиотажа. Даже при отсутствии официальной котировки совершались довольно значительные сделки с фондами, главным образом с рентой, военными займами и закладными листами земельных банков. Фонды оказались менее удобными для операций на неофициальной бирже, чем акции. Поэтому основным объектом спекуляции были более подходящие для этой цели бумаги частных предприятий.

С одной стороны, денег в стране было предостаточно, а с другой — рубль постоянно обесценивался, и многие устремились на биржу в расчете выгодно поместить свои средства. В последнюю перед открытием официальных собраний «биржевую кампанию», длившуюся приблизительно с мая по ноябрь, масса лиц нажила крупные состояния игрой на повышение. Заработок в 200—300 тыс. руб. никого больше не удивлял. Это считалось, как писал «Биржевой курьер», вполне обыкновенным делом⁹⁷.

Торжественное открытие Фондового отдела Петроградской биржи состоялось 24 января 1917 г. Официальные биржевые собрания начались на следующий день. В связи с возобновлением работы столичной биржи в Москве также приступили к подготовке открытия биржевых собраний, намеченного на 26 февраля⁹⁸.

Открытие официальной фондовой биржи не сбило ажиотажный спрос, на что рассчитывало Министерство финансов. По-прежнему биржевые хроники отмечали неуклонное повышение всех дивидендных бумаг и появление сделок «американских размеров», большинство из которых совершались за наличные. Обращалось внимание на небывалый «спрос из Москвы», где спекулировали не «по-петербургски — для получения разницы, а по-московски — чтобы получить влияние на промышленное предприятие»⁹⁹. Акции покупались в банках и банкирских конторах сотнями и тысячами штук по цене на десятки рублей выше последней котировки и сразу на несколько миллионов рублей¹⁰⁰. Ежедневные обороты столичной фондовой биржи достигли суммы 75—100 млн руб.¹⁰¹ И хотя вечерние собрания были упразднены, тем не менее большие частные собрания почти ежедневно проходили в банках или ресторанах. Усилилось значение утренних биржевых собраний в Русско-Азиатском банке.

Профессор П.П.Мигулин 8 февраля 1917 г. писал своему корреспонденту А.Н.Скугаревскому в Харьков: «В Петрограде тревожно. Мы живем как в пиру во время чумы. На бирже вакханалия. Бедные люди в 1—2 недели делаются богатыми, все идет на повышение. В результате может быть крах, но может и не быть. Уже очень много выпущено в оборот бумажных денег, и все товары, земли и дивидендные ценности должны повыситься в расценке. Но все это печально. Никто не думает о войне, о военных займах и т.д., каждый заботится о себе: “Спасайся, кто может”»¹⁰².

Биржевой ажиотаж из столиц перекинулся в провинцию. Из Харькова, Одессы, Киева сообщали, что телеграф не успевал отправлять срочные телеграммы, подаваемые местными банковскими отделениями в Петроград и Москву на покупку различных бумаг¹⁰³.

Несмотря на крайне обостренную и напряженную политическую ситуацию в стране, на Петроградской бирже неизменно господствовала повышательная тенденция. Она продолжалась даже 23 февраля — накануне массовых демонстраций в центре Петрограда. Лишь биржевые собрания 24 и 25 февраля, дней, предшествовавших победе революции, сопровождались значительным понижением курсов¹⁰⁴. Впрочем, после Февральской революции биржевая деятельность в условиях усиливавшегося социального кризиса и нараставшего экономического распада не способствовала экономическому росту, приобретая характер беззащитной игры на курсе. В обстановке экономического и политического хаоса скупка акций превратилась в средство борьбы с инфляцией, биржевая игра выродилась в голую спекуляцию.

Торговля ценными бумагами, сохранявшаяся еще некоторое время, превратилась из регулируемых биржевых сделок в небиржевую продажу «из рук в руки» без всякого курса и котировки. Полагая, что акции легче, чем рубль, перенесут смутное время революции, многие снова стали приобретать ценные бумаги. Несмотря даже на прекращение выдачи банками ссуд по онкольным счетам, спрос на акции постепенно возрастал. В нормальное время даже незначительное сокращение ссуд под акции вызвало бы на бирже длительную депрессию, но в то время это не произвело никакого впечатления. Акции покупались с единственной целью «освободиться от ничего не стоящего рубля». Например, в октябре за пару ботинок требовали любую двухсотрублевую акцию. Такая сделка считалась даже предпочтительней, чем продажа за наличные деньги¹⁰⁵. Революции, а затем экономическая политика большевиков сделали всякую биржевую деятельность бессмысленной.

Итак, мы рассмотрели несколько стадий приобщения российского общества к биржевым операциям с ценными бумагами, биржевой игре и спекуляции с конца 1850-х гг. до 1917 г. За это непродолжительное время произошли значительные изменения в восприятии биржи известной частью населения: от полного равнодушия и непонимания сути биржевой спекуляции до серьезной заинтересованности и непосредственного активного участия в биржевых операциях. Когда на бирже заключались только сделки с товарами, векселями и валютой, важные в основном для купечества, то не могло быть никакого интереса к бирже со стороны других слоев общества. Когда небольшое количество ценных бумаг сосредотачивалось преимущественно в руках ограниченного круга лиц, тогда широкой «публике» биржа была просто безразлична. С выходом во второй половине XIX в. в обращение достаточного количества процентных бумаг и появлением возможности получать доход от их покупки или продажи расширяется круг лиц, интересующихся биржей.

К концу XIX в. российское общество психологически и морально оказалось готово к участию в биржевых сделках с ценными бумагами.

Оно освободилось от прежнего недоверия ко всему, что было связано с биржей, банками, акциями, облигациями и пр. В начале XX в. биржа приобретает уже достаточную популярность среди состоятельных слоев городского населения. Окончательно сложилась довольно заметная группа средних и мелких держателей акций, именуемая на биржевом жаргоне «публикой». Невозможно точно установить, сколько людей принимало участие в биржевых операциях. Их численность, вероятно, могла превышать сотни тысяч.

Одновременно общество в оценке биржи раскололось на две части, которые соответственно увеличивались или уменьшались в зависимости от состояния дел на рынке ценных бумаг. Одни одобряли биржевую спекуляцию, другие ее осуждали. Во время экономических кризисов сторонников биржи становилось меньше, а ярых ее противников больше, и наоборот. Во многом под влиянием общественного мнения правительство было вынуждено приступить к биржевым преобразованиям, стремясь установить контроль на фондовом рынке.

В начале XX в. стало меняться и отношение представителей биржи и банков к широкой «публике». Ее стали рассматривать как серьезную величину, без привлечения средств которой невозможно создание новых промышленных предприятий и кредитных учреждений. Европейские капиталисты еще раньше осознали это: «Когда публики нет с нами, биржа — ноль»¹⁰⁶. Именно поэтому номинал многих ценных бумаг, например в Англии, был в несколько раз меньше номинала российских акций и облигаций.

В целом можно говорить о постепенном сближении с конца XIX — начала XX в. российской биржевой культуры с западноевропейской. История спекуляции в России мало чем отличается от истории спекуляции в Европе: те же примеры, события, последствия. Единственное существенное отличие заключалось в том, что европейское общество оценило вкус биржевых операций раньше, чем это произошло в России.

Примечания

¹ На бирже под термином «публика» подразумевали всех лиц, втянутых в операции с ценными бумагами, но не принадлежавших к числу профессиональных биржевиков.

² Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 563. Оп. 2. Д. 143. Л. 7—7об., 29—29об.

³ Безобразов В.П. О некоторых явлениях денежного обращения в России // Русский вестник. 1863. № 5. С. 379.

⁴ Бунге Н.Х. Заметки о современном экономическом кризисе в России // Журнал для акционеров. 1860. № 194. 28 ноября. С. 1462.

⁵ Петербургские заметки // Отечественные записки. 1855. Т. 100. № 6. Отд. 6. С. 128.

⁶ Вестник промышленности. 1859. Т. 1. С. 3.

⁷ Там же. 1858. Т. 1. С. 3.

⁸ Там же. С. 17.

⁹ См.: Шинов А.П. Как и отчего исчезли у нас деньги. СПб., 1860. С. 33—34.

¹⁰ Русский экономист. 1884. Вып. 1. С. 47—48.

¹¹ Бунге Н.Х. Указ. соч. С. 1462.

¹² Вестник промышленности. 1861. № 4. С. 7.

¹³ Русский экономист. 1884. Вып. 1. С. 48.

¹⁴ Цит. по: Левин И.И. Акционерные коммерческие банки в России. Пг., 1917. Т. 1. С. 118.

¹⁵ РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 115. Л. 1.

¹⁶ Там же. Д. 132. Л. 2об.—3.

¹⁷ Гейлер И.К. Сборник сведений о процентных бумагах (фондах, акциях и облигациях) России: Руководство для помещения капиталов. СПб., 1871. С. XXVI.

¹⁸ Нынешний биржевой погром // С.-Петербургские ведомости. 1869. 15 октября; то же. Отд. оттиск. СПб., 1869; Гаттенбергер К.К. Законодательство и биржевые спекуляции. Харьков, 1872. С. 108.

¹⁹ [Ламанский Е.И.] Из воспоминаний Евгения Ивановича Ламанского: (1840—1890) // Русская старина. 1915. Кн. XII. С. 404; Кн. X. С. 58.

²⁰ Д.Д. Наши бумажные ценности. СПб., 1870. С. 5.

²¹ Цит. по: Левин И.И. Указ. соч. С. 186.

²² Гейлер И.К. Указ. соч. С. XVI.

²³ Бабст И.К. Наше банковское дело // Русские ведомости. 1873. 16 сентября.

²⁴ Суворин А.С. Очерки и картинки. СПб., 1875. Кн. 1. С. 10—11.

²⁵ Гейлер И.К. Указ. соч. С. XVI; Нисселович Л.Н. О биржах, биржевых установлениях и мерах ограничения биржевой игры. СПб., 1879. С. 11.

²⁶ С.-Петербургские ведомости. 1869. 17 августа.

²⁷ Найденев Н.А. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. Т. 2. М., 1903. С. 139.

²⁸ Там же. С. 140.

²⁹ Московская биржа: Очерк возникновения и деятельности. 1839—1889 гг. М., 1899. С. 46.

³⁰ С.-Петербургские ведомости. 1869. 17 августа.

³¹ Там же. 21 августа.

³² Там же. 19 октября.

³³ Левин И.И. Указ. соч. С. 186.

³⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 1542. Л. 5.

³⁵ Там же. Ф. 583. Оп. 10. Д. 95. Л. 1.

³⁶ Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб., 1907. С. 349.

³⁷ Сулейкин В.Т. Биржевая игра на Петербургской бирже (ее причины и последствия) // Журнал юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1897. № 10. С. 20.

³⁸ Кугель А.Р. Литературные воспоминания (1882—1896 гг.). Пг.; М., 1923. С. 116—117.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Приобретать биржевые ценности, конечно, имели возможность люди состоятельные. Преобладающим типом русских ценных бумаг являлись акции с номиналом 100, 250 и 1000 руб. Акции в 10000, 5000, 3000 и 2500 руб.

было немного, а акции в 50 и 25 руб. составляли исключение. Номинальная цена акций русских коммерческих банков, как правило, составляла 250 руб. Исключением являлись акции Русско-Китайского (номинал 125 руб.), Московского Купеческого (5000 руб.), Московского Торгового (200 руб.) и Московского Учетного (200 руб.) банков. См.: Крайз Ц. Банки и акционерные торгово-промышленные предприятия, оперирующие в России, за последний отчетный год (1899—1900 и 1900—1901 гг.): Справочная книга. СПб., 1902. Следует отметить довольно низкую номинальную стоимость акций англо-русских предприятий. Среди них имелись лишь два предприятия, номинальная цена акций которых составляла 10 ф. ст. и одно — 5 ф. ст. Номинальная стоимость акций всех остальных 76 предприятий составляла 1 ф. ст. и ниже, до 1 шиллинга. Низкая стоимость многих англо-русских дивидендных бумаг делала их доступными для широких слоев английского общества.

⁴¹ Судейкин В.Т. Указ. соч. С. 8.

⁴² Там же. С. 9.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 9—10.

⁴⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 1542. Л. 5об.; Ф. 1263. Оп. 4. Д. 26. Л. 17.

⁴⁶ Судейкин В.Т. Указ. соч. С. 10.

⁴⁷ Само английское выражение «оп call» означало счет до востребования. Лиц, имеющих такой счет в банке, называли онколитами.

⁴⁸ Кугель А.Р. Указ. соч. С. 117—118.

⁴⁹ Бирюкович В.В. Биржа и публика // Вестник Европы. 1895. Т. VI. Кн. 11. С. 351—352.

⁵⁰ Цит. по: Судейкин В.Т. Указ. соч. С. 29—30.

⁵¹ Там же; Невзоров А.С. Русские биржи. Кн. 1. Юрьев, 1897. С. 214.

⁵² Новое время. 1895. 18 сентября.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Судейкин В.Т. Указ. соч. С. 29.

⁵⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 1455. Л. 1; Вестник финансов, промышленности и торговли. 1895. № 53. С. 1146.

⁵⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 1455. Л. 17; Вестник финансов, промышленности и торговли. 1895. № 53. С. 1149.

⁵⁷ Рославлев. Публика // Биржевой ежемесячник. 1911. № 7. С. 59—60.

⁵⁸ Там же; Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 212; Из архива С.Ю.Витте: Воспоминания. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. СПб., 2003. С. 187.

⁵⁹ Кугель А.Р. Указ. соч. С. 116—117.

⁶⁰ Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России. Концы XIX в. — 1908 г. М., 1984. С. 128.

⁶¹ Новости. 1900. 12 мая.

⁶² Промышленный мир. 1900. 4 июня. № 29. С. 573.

⁶³ Торгово-промышленная газета. 1911. 1 января; Вестник финансов, промышленности и торговли. 1911. Т. 2. № 16. С. 121.

⁶⁴ Финансовое обозрение. 1910. № 28—29. С. 6.

⁶⁵ Биржа. 1911. № 2. С. 3—4.

⁶⁶ Банки и биржа. 1913. № 29. С. 6; № 30. С. 5.

⁶⁷ См.: Биржа. 1913. № 28. С. 8.

- ⁶⁸ Цит. по: там же. 1912. № 43. С. 5; Русские биржевые ценности 1914—15 г. Пет. 1915. С. 4.
- ⁶⁹ См.: Архангельский областной краеведческий музей. Коллекция Поповых. № 24696, 25674.
- ⁷⁰ Банки и биржа. 1913. № 3. С. 3; Биржевой ежемесечник. 1911. № 51. С. 36.
- ⁷¹ За кулисами биржи // Деньги. 1914. 8 февраля.
- ⁷² Банки и биржа. 1913. № 33. С. 7.
- ⁷³ Биржевой ежемесечник. 1910. № 5. С. 106.
- ⁷⁴ Банки и биржа. 1913. № 14. С. 13.
- ⁷⁵ Биржа. Спекуляция. Обогащение: Экономический этюд. СПб., 1907; Ратьков А. (А. И. Репьев). Кратчайший и доступный каждому путь к богатству. Биржевые операции: Популярное руководство. СПб., 1909; Советы к биржевым операциям онколистов. СПб., 1911; Руководство в биржевых операциях на С.-Петербургской бирже. СПб., 1911; Васильев А. А. Биржевые спекуляции. СПб., 1912; Галбмилион А. М. Биржа. Биржевая игра или спекуляция: Руководство в биржевых операциях. СПб., 1912 и др.
- ⁷⁶ Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 852. Оп. 2. Д. 368. Л. 11об.—12.
- ⁷⁷ Холодницкий Л. Тайны биржевой игры. М., 1911. С. 1.
- ⁷⁸ Витмер А. Н. Отрывочные воспоминания // Исторический вестник. 1911. № 9. С. 861; Лебедев С. К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М., 2003. С. 118—123.
- ⁷⁹ Боханов А. Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал: (Конец XIX в. — 1914 г.). М., 1984. С. 140.
- ⁸⁰ См.: Банки и биржа. 1913. № 35. С. 11.
- ⁸¹ Печать и реклама // Деньги. 1914. 17 апреля.
- ⁸² Вопросы банков, биржи и финансов. 1915. № 22. С. 13.
- ⁸³ Биржа. 1913. № 21. С. 13.
- ⁸⁴ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1914. Т. 1. № 2. С. 63.
- ⁸⁵ С.-Петербургский биржевой день. 1914. 18 апреля; 29 апреля.
- ⁸⁶ Там же. 15 апреля.
- ⁸⁷ Биржевые ведомости (утренний выпуск). 1914. 15 июня.
- ⁸⁸ Биржа за неделю. 1914. № 7—8. С. 7.
- ⁸⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 1397. Л. 3.
- ⁹⁰ Биржевой курьер. 1917. 3 января.
- ⁹¹ РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 544. Л. 6об.
- ⁹² Там же. Ф. 560. Оп. 26. Д. 1185. Л. 19об.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Промышленность и торговля. 1916. № 34—35. С. 160.
- ⁹⁵ РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 544. Л. 10об.—11об.; Ф. 1276. Оп. 12. Д. 550. Л. 2—19; Ф. 1405. Оп. 532. Д. 1306. Л. 43об.—48об.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Биржевой курьер. 1916. 15 декабря.
- ⁹⁸ Там же. 24 января.
- ⁹⁹ Финансовая газета. 1917. 6 февраля.
- ¹⁰⁰ Биржа за неделю. 1917. № 6. С. 2.
- ¹⁰¹ Биржевой курьер. 1917. 10 февраля.

¹⁰² Цит. по: Кирьянов Ю. Дороговизна в конце 1916 — начале 1917 г. (по перлюстрации писем) // Былое. 1992. № 8. С. 7; то же // Родина. 1999. № 11. С. 21—22.

¹⁰³ Биржевой курьер. 1917. 10 февраля.

¹⁰⁴ Биржа за неделю. 1917. № 9—10. С. 3.

¹⁰⁵ Финансовая газета. 1917. 4 октября.

¹⁰⁶ Цит. по: Штиллих О. Биржа и ее деятельность. СПб., 1912. С. 207.